
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ
И ИДЕИ ГОСУДАРСТВА

© 2021 г. А. Г. Чернявский*, Н. А. Синяева**

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: aleksandrcher@mail.ru

**E-mail: natella.sinyaeva@gmail.com

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

Аннотация. В статье изложен взгляд авторов на вопрос о том, какой цели служит весь государственный быт и какие пределы должны быть предоставлены его деятельности. Авторы исходят из положения, что худшая сторона любого государственного переворота заключается в быстром разрыве со всем общественно-политическим прошлым. Авторы дают оценку, что гражданское общество признано далеко не тождественным с политическим обществом. Авторы полагают, что от того, как общество решает вопрос о том, что составляет то прочное и существенное в государственном быте и общественных явлениях и что мнимое, а иногда и навязываемое, во многом зависит понимание соответствующей времени действительной сущности государства.

Ключевые слова: идея государства, сущность государства, интересы населения, представления о государстве, общественно-политическое прошлое, государственный интерес, общественные сферы жизни.

Цитирование: Чернявский А.Г., Синяева Н.А. Современное значение понимания сущности и идеи государства // Государство и право. 2021. № 12. С. 109–117.

DOI: 10.31857/S102694520017762-9

THE MODERN MEANING OF UNDERSTANDING THE ESSENCE
AND IDEA OF THE STATE

© 2021 A. G. Chernyavsky*, N. A. Sinyaeva**

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: aleksandrcher@mail.ru

**E-mail: natella.sinyaeva@gmail.com

Received 21.07.2021

Abstract. The article presents the authors' view on the question of what purpose the whole state life serves and what limits should be given to its activities. The authors proceed from the position that the worst side of any coup d'état is a quick break with the entire socio-political past. The authors estimate that civil society is recognized as far from identical with political society. The authors believe that the understanding of the actual essence of the state, corresponding to the time, largely depends on how society solves the question of what is solid and essential in state life and social phenomena and what is imaginary, and sometimes imposed.

Key words: the idea of the state, the essence of the state, the interests of the population, ideas about the state, socio-political past, state interest, public spheres of life.

For citation: Chernyavsky, A. G., Sinyaeva, N. A. (2021). The modern meaning of understanding the essence and idea of the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 109–117.

Ни один вопрос не возбуждал более разнообразных и противоположных мнений, не вызывал более многочисленных философских теорий и научных исследований, как вопрос о государстве. В течение почти двух тысяч лет, начиная с творений Платона и Аристотеля и заканчивая самыми последними произведениями юридической и экономической литературы. Первым крупным мыслителем о государстве можно считать греческого философа Платона, жившего почти за четыре века до Рождества Христова. Но этот философ не дал определения сущности государства, а только утопию, или проект построения лучших форм государственного устройства, которые безусловно должны гарантировать благо населению. Признавая государство аналогичным строению человека, Платон лучшее устройство государства проводит по аналогии с человеком. Государство состоит из трех сословий: во главе его должен стоять ум или класс разумных философов, защищать государство должны люди воли и энергии — воины, обыденные дела жизни должны составлять принадлежность третьего сословия. Лучшая форма государственной жизни достижима только при разумных правителях; в силу этого Платон смотрит на законы только как на подходящее и терпимое средство замены плохих правителей. Для того, чтобы два правящих класса — философы и воины лучше занимались государственными делами, Платон для них советует коммунистический строй без семейного очага и собственности. Семья и собственность должны быть принадлежностью только третьего класса — обыкновенных граждан. Само собой разумеется, что все подобные рассуждения нельзя принимать за определение природы государства. Это не больше, как документ проявления человеческой мысли.

Научный характер имеют исследования природы государства величайшим умом не только Греции, но и всего человечества Аристотелем. Он был в числе учеников Платона. Наблюдая и изучая жизнь государств — городов Греции, насчитывавших не более 20 тыс. граждан, Аристотель пришел к следующему определению: *государство есть самодовлеющее общение граждан, ни в каком другом общении не нуждающееся и ни от кого другого не зависящее*. Это определение несет в себе частные формы греческих государств и потому его нельзя признать за определение общего понятия государства. Аристотель по форме правления классифицирует государство на три группы: на монархии — правление одного, аристократии — правление немногих и республики — правление народа. При всех этих формах — государства могут быть хорошими, если правящие сферы заботятся об интересах всего населения и плохими, если правление государством совершается в интересах части населения. Аристотель дает им и иные названия: монархию тогда

называет тиранией, аристократию — олигархией и республику — демократией. По мнению Аристотеля, лучшая форма может быть достигнута правильной комбинацией этих трех форм управления. Между прочим, исследуя жизнь того времени Греции, Аристотель пришел к выводу, что лучшее правительство бывает у лучших подданных.

Быть может, специфическая разница между современной политикой по сравнению с древней — это разница, существующая между сферой, приемами и способами действующего законодательства и характером и методами законодательства у классических народов. Законодательный корпус представителей является общим политическому миру, каким он известен ныне, но никогда подобное собрание не приходило на ум политиков древности, греков или варваров. Всякий гражданин или принимал непосредственное участие в законодательстве, или не принимал участия. Аристотель думал согласно этому, что не может существовать свободного государства с обширной территорией, где население слишком разбросано, чтобы собраться вместе на собрание. Но то, что не знали греки и римляне, германцам было известно издавна: представительство есть одно из самых обычных средств их самобытной политики, и от них именно получил его новый мир.

Первоначальная американская колониальная история также представляет два любопытных примера перехода непосредственного собрания в представительное. Первоначальное законодательное собрание Мэриленда было непосредственным собранием всех свободных людей колонии; на следующее собрание было позволено некоторым прислать заместителей; и прежде чем окончательно утвердилось представительство, была налицо аномалия корпуса частью представительного, частью непосредственного, т.к. каждый свободный мог явиться в собрание лично¹. Другой пример имеет место в истории Род-Айленда, граждане которого в течение некоторого времени настаивали на том, чтобы собираться в Ньюпорте в форме непосредственного собрания с тем, чтобы избирать лиц должностящих представить их в колониальном парламенте; таким образом, они начинали сессию все вместе, а затем, говоря словами В. Фостера, позволяли законодательному собранию совершать путь одному на все остальное время². Тем не менее только в новейшее время дана теория прав представителя. Всем народам политически сильным, верящим в себя и управляющим через самих себя, была свойственна сильная тенденция свести своих

¹ См.: Doyle J.A. The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.

² См.: Forster W.E. Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.

представителей к роли и функциям простых делегатов, обязанных действовать не по своему крайнему разумению, а согласно инструкциям своих избирателей. Более правильным мнением в последнее время, хотя с разных точек зрения обсуждались права представителя, является мнение объявить за представителем привилегию следовать своему собственному пониманию в политических вопросах и действовать скорее в качестве лица, облеченного доверием своих избирателей, снабженного всеми полной доверенностью.

В представлении римских граждан государство являлось божественным учреждением, в жертву которому обязательно должна была приноситься личная жизнь гражданина.

Средние века трактовали государство тоже как божественное учреждение, выражая свои мысли в категорических догматических формах, не допускавших сомнений. В этом были убеждены и властители, и подданные. С практической государственной точки зрения это положение представляло большую выгоду для проявления государственной силы.

Такое религиозно-догматическое представление о государстве, конечно, нельзя рассматривать как понимание его природы; подобный взгляд нужно считать только практической формулой для подданных, гарантирующей определенное их государственное поведение, выражающееся в безусловном повиновении придержащим властям. Эта формула, унаследованная от Римской империи, была впоследствии видоизменена и освящена христианской религией. Римское католическое духовенство внедрило эту формулу в сознание населения Европы и создало почву для возникновения абсолютных государств. Возникновение таких государств из средневекового феодального хаоса нужно считать первым фактом прогресса политической жизни европейского населения. Но эта формула религиозно-догматического понимания государства пережила свое культурно-жизненное значение. На известном протяжении времени такое понимание государства населением Европы было необходимым, потому что являлось средством для прогрессивного движения жизни. Однако жизнь населения непрерывно шла вперед, выдвигая новые задачи совместной и государственной жизни, и опередила формулу религиозно-догматического понимания государства. Эта формула, не объясняя сущности государства, являлась хорошим средством для построения государств абсолютного типа, т.е. являлась только политическим фактором. Поскольку при внешних и внутренних обстоятельствах жизни населения абсолютный тип построения государства был необходим, постольку и эта формула понимания государства была необходима. Но если обстоятельства

жизни населения изменяются, то должны изменяться и формы построения государства и, следовательно, должны изменяться и средства построения — формулы того или иного понимания государства. В силу сказанного прежние формулы понимания государства из потребных с прогрессом жизни населения должны превратиться в непотребные. Но по закону инерции социальной структуры, о чем мы скажем позднее, смена этих формул всегда встретит сопротивление в правящих сферах, устроивших свою личную жизнь на прежних формах государства. Так случилось и в Европе. Догматическая религиозная формула построения государства с соответствующим этой формуле строением была сломлена Французской революцией. Но нужно помнить, что идейная подготовка для смены религиозно-догматического понимания государства началась в Европе гораздо раньше Французской революции. Эту подготовку сделала политическая школа естественного права с договорной теорией природы государства. Договорной взгляд на природу государства был прямым антиподом свыше предустановленного религиозно-догматического понимания государства.

Человеческая мысль непрерывно обращается к уяснению идеи государства. Образовался целый ряд т.н. государственных наук, которые рассматривают государственную деятельность как в общих ее основаниях, так и в отдельных частях. Несмотря на это, вопрос — что такое государство, в чем заключается его разумная роль и назначение — остается менее всего решенным и установившимся в науке.

Если мы сравним замечательные государственные устройства, писал В. Гумбольдт, и мнения о них наиболее авторитетных философов и политиков, то нельзя не удивляться, как мало обработан и неудовлетворительно решаем вопрос, который, по-видимому, прежде всего должен был бы привлекать к себе внимание, — вопрос о том, какой цели служит весь государственный быт и какие пределы должны быть предоставлены его деятельности³.

Едва какой-либо вопрос имеет больше этого значения в общественных науках и, несмотря на это, едва какой-либо из них можно признать наименее решенным, как этот же вопрос. Тысячи томов исписаны, старые принципы в сотый раз вылиты в новую форму и возвышены в великие открытия, тем не менее от его удовлетворительного разрешения мы также далеко стоим, говорит Эотвос, как и тогда, как только впервые стали заниматься научным образом вопросом, как должно быть устроено государство, какова его сущность. В то время как естественные науки в короткий период совершили гигантские успехи и не проходит почти ни одного года, чтобы

³ См.: *Humboldt W. von Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.

в их области не делалось более или менее значительного открытия, — в государственных науках нам приходится возвращаться к тому же состоянию, из которого мы начали, к прежнему сомнению, которое становится еще тяжелее после стольких попыток и опытов⁴.

Если для науки этот вопрос до нынешнего времени оставался загадкой, то тем менее правильного его разрешения можно ожидать от самой жизни, которая идет ощупью, останавливаясь на всяком шагу, то возвращаясь назад, то снова начиная однажды пройденное ей поприще. На сцене истории мы постоянно видим, как одни народы сменяются другими. Каждый из них является с особыми формами, целями и условиями развития государственной деятельности, в каждом из них чуть ли не с каждым веком изменяются эти условия, цели и их пределы. *Что такое государство? — спрашивает Рентш. — Как не общепонятной кажется с первого взгляда сущность государства, говорит он, тем не менее ответ на этот вопрос очень не легок*⁵. Сфера государственной деятельности то расширяется за счет общественной, то снова сужается; государственная власть то берется руководить всем, что только входит в народную жизнь, регламентирует промышленность, торговлю, посягает даже на умственную и религиозную сферу народной деятельности, то отказывается от всего этого и думает даровать нации спасение от всех бед⁶. Но, несмотря на этот бесконечный ряд попыток жизни разрешить само собой вопрос о цели и назначении государства, наука до сих пор не смогла прийти хоть к сколько-нибудь удовлетворительному его разрешению.

Почти невероятная вещь, писал еще Л. Штейн, что государство в течение целых тысячелетий действует и работает, не будучи в состоянии отдать себе отчета в сущности и пределах своей деятельности⁷.

Человечество чувствует в своем государственном и общественном строе много ложного, не соответствующего нормальным условиям его природы, и силится найти выход из такого состояния. Едва ли когда-либо человечество видело в течение короткого времени разложение и зарождение столь многих общественных форм государств как в нынешнее время; и едва ли в какой-либо период

истории возникло большее количество разных теорий, отрицающих все существующие формы общественного и государственного быта, как в наше время. При таком состоянии необходимо понять, что составляет то прочное и существенное в государственном быте и общественных явлениях и что мнимое, а иногда и навязываемое.

Если до настоящего времени ни жизнь, ни наука не могли прийти до удовлетворительного разрешения вопроса о сущности и назначении государства, то это происходило главным образом от того, что значение чисто общественных сфер жизни, в соединении с которыми только и может быть правильно оценена государственная жизнь, не установилось еще на более или менее твердых и рациональных основаниях. Все беспорядки в обществах имеют своей причиной неопределенность и противоречие господствующих мнений об основных принципах общества. Здесь мы видим отсутствие твердых оснований в оценке значения чисто общественных сфер жизни как причину неудовлетворительности решений вопроса о государстве.

Науки, бравшиеся за разрешение вопроса о государстве, практически до нынешнего времени рассматривали государственную жизнь вне ее органической связи со всей общественной жизнью. Хотя известно, что государство есть только один из органов общественного тела. Назначение же какой бы то ни было части всякого организма может быть понято только в связи с целым организмом, со всеми его функциями. Между тем этот общественный организм не был понят и оценен правильным образом в государственных науках. Могла ли быть после этого правильно понята и оценена какая-либо из его частей и при этом таких существенных, как государственная сфера?

Наука постоянно обходила вопрос об обществе, без которого природа и цель государства не может быть вполне раскрыта. Почти все внимание ее было обращено на отношения отдельного лица к государству, на определение их взаимных прав и обязанностей. Она как будто не хотела знать, что наряду с государством существуют другие самостоятельные сферы, что каждая из них устроена более или менее своеобразно и имеет собственные законы, не зависящие от государства. Политические связи казались для нее единственными объединяющими узами, лежащими в основании народного быта. Она признавала только двоякие отношения: личные или гражданские и государственные или политические. Между представителями науки шел и идет спор о формах правления, о происхождении власти, о границах свободы, но ни у кого из них не появлялось мысли исследовать саму организацию общества, те различные сферы, на которые оно распадается, и законы их взаимных отношений.

⁴ См.: Humboldt W. von Op. cit.

⁵ См.: Rentzsch H. Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.

⁶ См.: Held J. von Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rücksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen über Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.

⁷ См.: Stein L. Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.

Необходимо обратить внимание на то, что и в литературе XVIII–XIX вв. не было сочинений, которые стремились бы уяснить значение в общественном организме различных сфер жизни, стоящих вне непосредственной цели государства. Правда, со второй половины XVIII в. и до появления органической школы государственного права встречаются у некоторых авторов сочинения, посвященные исключительно вопросу об обществе. Но слово «общество» или не имеет в них определенного смысла, как, например, в произведениях Рейнгарда, Бухгольца и Броуна, или же вполне отождествляется с государством. Единственное исключение в этом случае представляет небольшое произведение А. Шлёцера, вышедшее в конце XVIII в. под названием «Всеобщее государственное право»⁸. В нем он указывает некоторые из главных оснований учения об обществе под названием «метapolитики». Но это произведение было, как писал Р. Моль, миомолетным метеором, не оставившим после себя следов, никем не понятым и едва ли явно осознанным даже самим автором, ибо он нигде не развивает даже мыслей, высказанных им вскользь в этом произведении. Ясно, что он сам не предчувствовал того великого значения, какое впоследствии приобретет учение об обществе в государственных науках⁹.

Обращаясь к истории, следует привести пример о недостаточном внимании при новейших государственных переворотах во Франции к общественным основам народного быта как причин в т.ч. их неудачного исхода. Очевиден факт влияния существовавших в XVII в. государственных теорий, которые стремились положить в основание государства новые начала, в надежде привести человечество к счастливой будущности. Но как ни было велико их влияние на жизнь, какие великие перевороты не были произведены ими в существовавшем до тех пор порядке вещей, их применение к жизни не принесло с собой обещанного ими исцеления нациям. Это происходило именно от того, что в главных исходных точках зрения при определении природы государства они совершенно упускали из виду значение общества, его самостоятельные, независимые от государственной сферы начала. Монтескьё, Руссо, энциклопедисты, а также современные им великие публицисты и философы Германии и Англии не имели ни малейшего предчувствия значения общества в государственном быте. В их произведениях государственная наука оставалась на почве односторонней юриспруденции, как писал В. Киссельбах; она не

достигла уяснения общественной природы человека и условий, предписываемых общественной организации трудом и собственностью¹⁰. Французская революция показала, куда может привести государственная мудрость, берущаяся организовывать народный быт, без внимания к самостоятельному проявлению его общественных начал. Французская революция заслуживает порицания не за одни свои кровавые сцены. Кровь лилась везде, где только разнузданная физическая сила вступала в свои права. *Худшая сторона великого насильственного переворота заключается в быстром разрыве со всем общественно-политическим прошлым.* Если до революции существовало много исключительных прав и привилегий, то были и такие, которые не заключали в себе ничего несправедливого, но обусловливались требованиями местности. Провинции и города через посредство своих депутатов положили к ногам Национального собрания все вольности, хартии, капитуляции, не делая в них различия между теми общественными властями, которые должны были возвратиться к государству и теми местными властями, которые должны были остаться за ними, только более обобщаясь. Государство захватило множество таких прав, которые не должны были ему принадлежать. *Не в том крайность, что революция хотела, чтобы во всем государстве было одно и то же законодательство, полиция, судопроизводство, армия и даже система налогов, а в том, что государство хотело непосредственно управлять всем или почти всем, что оно управляло в полном смысле этого слова почти всеми силами, находящимися вне его, всеми видами общественных союзов и классами занятий.*

В то время, как уравнение состояний достигло своих крайних пределов, не было соответствующего развития общественного духа в народе. Революция не создала учреждений, способных поддерживать интерес к подробностям общественных дел: и если допустила часть населения к участию в правлении, то допустила только в самом важном, но вместе с тем и самом редком случае — в выборах для великого государственного собрания. Центральное правительство присвоило себе не только местную администрацию, но и многое из того, что в других государствах выполняется ассоциациями отдельных лиц. Думая начать совершенно новую жизнь, нация хотела построить общество и государство на основании предвзятых, отвлеченных теорий, без всякой связи с прошлым. Прямые линии нового департаментного деления прорезали Францию без всякого внимания к тысячелетним, историческим и местным особенностям ее провинций. Абстрактное понимаемое право человечества сделалось душой государства, и с идеей равенства

⁸ Schlözer A. L. Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.

⁹ См.: Mohl R. von Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.

¹⁰ См.: Kisselbach W. Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862.

людей было отвергнуто государством всякое разделение общества, соответствующее в том числе разделению труда и собственности. Отдельное лицо было освобождено от своих корпоративных, общественных связей. Осталось только понятие о гражданине и государстве. Общественные союзы потеряли свое посредствующее значение между правительством и народом. Народ являлся в отношении правительства в состоянии, лишенном всякой организации, получая всю свою организацию только с ним и от него.

История Франции с конца XVIII в. показала как нельзя лучше, что *государственный союз, потерявший свои общественные основы, не включает в себе никакой внутренней силы и может поддерживаться только искусственными средствами*. Французская республика рушилась именно вследствие того, что она не опиралась на общественные основы; одни же чисто государственные начала могли привести ее только к чисто военному государству. Когда и последнее рушилось в свою очередь. Утверждение одного только юридического конституционализма, а не общественного конституционализма, не могло принести спасения. При нем все политические идеи пришли в такое хаотическое брожение, что даже вполне законные общественные стремления вырождались в политические утопии. *Вместо того, чтобы принимать общественную натуру человека за исходный пункт всех планов изменения общества и государства, большинство французских писателей стремилось втиснуть ее в заранее, произвольно придуманные для нее рамки*. Социализм и дальнейший его вывод — коммунизм — были продуктом уничтожения в государственном быте Франции самостоятельного значения общества. При таком общественно-политическом хаосе Франции ничего не оставалось сделать, как прибегнуть к последнему паллиативному средству, — цезаризму¹¹.

Только начиная со второй половины XIX в. наука вступила на путь, который, по-видимому, должен привести ее скорее всего к правильному разрешению вопроса о государстве. Науке удалось разложить всю народную жизнь на ее составные элементы. Выделить область государственную из всех остальных сфер народной жизни, с которыми

она постоянно смешивалась. Явилась идея государства и общества как двух самостоятельных понятий, хотя и соединенных между собой неразрывной, органической связью. Каждый век, писал Риль, открывает одну или две истины, одно или два общих положения, посредством которых он овладевает миром¹². Для нынешней эпохи такое положение найдено в высшей степени плодотворным. *Гражданское общество признано далеко не тождественным с политическим обществом*. Понятие об обществе в узком смысле, тем не менее так часто смешиваемое на практике с понятием о государстве, в теории отделено от него. Освобождение идеи общества от деспотизма государства составляло собственно достояние второй половины XIX в. и служило хотя и источником тысячи разного рода страданий и борьбы, но в то же время и залогом политической будущности.

Подобным образом, по мнению Гельда, Франца и многих других, вопрос о сущности того, что еще в XIX в. стали называть обществом в особом, техническом смысле, и о его отношении к государству принадлежит к величайшим теоретическим и практическим проблемам и нынешнего времени.

Всякое знание в своей эволюции, по мнению английского философа Г. Спенсера, проходит три стадии:

Первая стадия — это однообразие распространенных принятых взглядов на явление, или однообразие мнений невежд;

Вторая стадия — разнообразие мнений исследователей и, наконец;

Третья стадия — однообразие научного понимания.

Понимание природы государства как факт духовной эволюции находится и в данное время во второй стадии, а именно в стадии разнообразия мнений исследователей. Приведенный ряд определений государства есть великий документ эволюции человеческой мысли в этом направлении. Этот ряд не достиг еще своего конечного пункта и потому в настоящем своем виде не дает ясных и полных представлений о природе государства, но совершенно ярко и определенно говорит нам своими консервативными и либеральными определениями о состоянии политического строя.

Как для геолога те или иные остатки органической жизни в пластах разных формаций являются ценными документами для представления органической жизни эпохи, так такими же ценными документами являются эти определения государств для понимания духовно-политического мировоззрения

¹¹ См.: *Dunover Ch.* De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7; *Rivet F.* Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491; *Tocqueville A. de* L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860; *Мильт Дж. С.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. / пер. под ред. А. Соколова. СПб., 1865. Ч. 2. С. 2; *Kisselbach W.* Op. cit. K. IV; *Winter A.* Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5; *Friker.* Über die Bedeutung der organische Staatsauffassung für Staatrecht // *Zeitschrift für die gesammte Staatwissenschaft.* 1866. B. 3. S. 432; *Frantz G.A.C.* Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatwissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.

¹² См.: *Riehl W.H.* Bürgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.

соответствующего времени. Эти определения, разделяются на две группы: одни из них отражают формы существующего государственного строя — это определения *консервативные*, другие определения государства заключают в себе представления передовых или недовольных существующим строем групп населения о лучших формах государственного устройства. Это определения *либеральные*. Те и другие только факторы политических движений и представляют символы политических верований. В либеральных определениях так же, как и в консервативных, всегда отражается эпоха, но только в иной форме. Будучи в основе своей утопическими, они несут в себе указания на недостатки существующего или существовавшего строя тем, что в своих построениях касаются этих недостатков и разрешают их со стороны желаний населения. Эти решения входят в состав определения природы государства, их формы решений часто бывают эфемерны и несбыточны, но перед человечеством их заслуга велика тем, что они ставят на очередь вопрос жизни, который должен быть разрешен человечеством. Либеральные определения государств как политические прогрессивные факторы ревниво наблюдают за новизной своих определений и боятся, чтобы в эти определения не попали принципы прежнего строя. Этим конечно, была бы ослаблена их боевая сила; поэтому *эти определения чаще всего впадают в крайность*. В настоящее время такой подход представлен, например, концепциями габитуса П. Бурдьё, структуризации Э. Гидденса, коммуникации Н. Лумана. Сюда же можно отнести П. Бергера и Т. Лукмана, которые, как и другие феноменологи, акцентируют внимание не на статике общества, а на его динамике, на механизмах его воспроизводства¹³.

Просматривая различные определения государств, мы ясно заметим отражение политической жизни эпох, в которые они появлялись. Утопические представления Платона о наилучшем построении государств совершенно определенно несут на себе черты государственной жизни Греции. Проектируемое ими коммунистическое устройство двух высших правящих классов — философов и воинов, с правильным спариванием мужчин и женщин для воспроизведения лучшего рода, наваяно Спартой. В его государстве допускаются рабы, что было общим явлением греческой жизни, и это доказывает, что в фантастических представлениях люди отражают действительность. Определение государства Аристотелем есть факт обобщения государственных форм, существовавших в Греции. Римская государственная жизнь не дала философских определений государства. Римляне творили государственную

жизнь и по факту своего мирового успеха не задумывались над сущностью государства, и без всяких сомнений признавали свое государство правильным и истинным. Оно для них было единственным в мире, потому что гражданами могли быть только римляне, а остальное население земли являлось для них варварским. На основании логики человеческого мышления единственный факт не дает материалов для обобщения, а возможно только положительное представление. Не дали также определений государства и средние века. Варварское население Европы под руководством римского духовенства дорастало до римской культуры и довольствовалось безапелляционными его разъяснениями. Определение государства носило положительный религиозно-догматический характер со Свыше предусмотренными формами. Возрождение Италии с группой враждующих государств отразилось в политических исследованиях Макиавелли. Эти исследования не составляют абстрактно разработанной политической системы, но блещут фактами практической наблюдательности над существовавшими проявлениями государственной жизни. Боден и Гоббс в своих определениях отразили существующий в их время абсолютизм, но положили начало разрушения его свободой обсуждения. Последующая группа поборников естественного права и договорной теории государства являлась отрицателем абсолютного государства и своими определениями создавала факторы для борьбы с ним. Все определения государства после Французской революции отражают в себе так или иначе существующие конституционные формы европейских государств. Нынешние публицисты прямо заявляют, что они определяют государство современной европейской культуры. Все эти определения консервативные, но они отражают политическое состояние только с одной стороны. Необходимо также отметить и существовавшие социалистические движения, которые создавали ряд утопических представлений о новом государственном строе. Типичным примером таких представлений являлось учение А. Менгера о новом государстве. Исповедование этих учений также внесло определенную струю в политическую жизнь того времени. У поборников этих новых государственных идей развивалось желание воспроизводить социальные опыты. Это возможно, конечно, только при революционном состоянии государств. Следовательно, создание революции должно быть предварительным делом для осуществления на практике новых идей. Революционные движения создаются имеющимися силами населения и принимают ту или иную окраску по силе недовольства и степени развития. Использование этих сил в пользу осуществления либеральных представлений государства заставляет центр работы либеральной политической мысли перенести на тактику, т.е.

¹³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

на использование социальных сил сообразно их характеру в своих целях для общего блага.

Теперь оценим те слова и выражения, которыми мыслители определяли понятие государства. Просматривая вышеприведенные определения, заметим, что в них употребляются следующие понятия: *самодовлеющее общество, верховная власть, вечные начала добра и справедливости, общее благо, цель и средства, государственный интерес, право, общая польза, воля всех, гражданская свобода, единый организм, нравственный свободный общественный союз народа, центр общей власти, законный порядок, общественное господство, права человека, социальное равенство и т.д.* Все эти слова и выражения употребляются для определения природы и сущности государства, но почти все они сами не имеют строго очерченного определенного содержания.

* * *

Кроме того, все указанные слова и выражения являются в своем содержании частями, из которых складывается государство, и в силу этого — несовершенным материалом для определения целого. Чтобы понять объем и движение толпы, необходимо выбраться из нее и встать на возвышенное место. Точно также, чтобы понять природу государства, необходимо выбраться из сонма вышеприведенных терминов и выражений. Этим, конечно, мы не хотим отрицать глубокий смысл и значение понятий добра, нравственности, справедливости и других великих факторов общественного и государственно-го сожития людей. Наоборот, оставляя их временно в стороне и ведя рассуждение на иных терминах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Милль Дж. С. Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. / пер. под ред. А. Соколова. СПб., 1865. Ч. 2. С. 2.
3. Doyle J.A. The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.
4. Dunover Ch. De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7.
5. Forster W.E. Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.
6. Frantz G.A.C. Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatswissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.
7. Friker. Über die Bedeutung der organische Staatsauffassung für Staatsrecht // Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 1866. B. 3. S. 432.
8. Held J. von Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rücksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen über Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.
9. Humboldt W. von Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.
10. Kisselbach W. Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862. K. IV.
11. Mohl R. von Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.
12. Rentzsch H. Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.
13. Riehl W.H. Bürgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.
14. Rivet F. Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491.
15. Schlözer A. L. Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.
16. Stein L. Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.
17. Tocqueville A. de L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860.
18. Winter A. Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M., 1995 (in Russ.).
2. Mill J.S. Political, philosophical and historical reasoning and research: in 3 hours / transl. ed. by A. Sokolov. SPb., 1865. Part 2. P. 2 (in Russ.).
3. Doyle J.A. The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.
4. Dunover Ch. De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7.
5. Forster W.E. Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.
6. Frantz G.A.C. Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatswissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.

7. *Friker*. Über die Bedeutung der organische Staatsauf-fassung für Staatrecht // Zeitschrift für die gesamte Staatwissenschaft. 1866. B. 3. S. 432.
8. *Held J. von* Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rücksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen über Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.
9. *Humboldt W. von* Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.
10. *Kisselbach W.* Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862. K. IV.
11. *Mohl R. von* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.
12. *Rentzsch H.* Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.
13. *Riehl W.H.* Bürgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.
14. *Rivet F.* Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491.
15. *Schlözer A.L.* Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.
16. *Stein L.* Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.
17. *Tocqueville A. de* L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860.
18. *Winter A.* Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5.

Сведения об авторах

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

СИНЯЕВА Нателла Александровна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного (государственного) и международного права Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

CHERNYAVSKY Alexander G. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

SINYAEVA Natella A. — PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law of Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia